

О. В. Пахомова, В. Г. Сибирцева
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ДВА ЭТЮДА О ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ. КЛОПШТОК И ТАВАДА

В статье рассматривается понятие литературной репутации и процесс его формирования в историко-культурном контексте. Литературная репутация или, в терминологии немецких исследователей, «Reputationscode» складывается из многих факторов и как результат имеет разные составляющие «успеха» литературной традиции. Как показывает историко-литературный процесс, литературная репутация оказывается очень важной для писателей и поэтов, поскольку отражает их влияние в обществе, демонстрирует степень популярности текста и свидетельствует об эволюции или инволюции в «большом времени». Вопрос формирования Reputationscode у исследователей в XXI в. также вызывает интерес, поскольку актуализируется этическая сторона процесса обретения популярности. Теоретические и практические аспекты литературной репутации разрабатывались отечественными исследователями И. Н. Розановым и А. И. Рейтблатом, а выделенные ими составляющие актуальны не только для XVIII в., но и для XXI в. В фокусе внимания статьи яркие представители литературного мира — немецкий поэт XVIII в. Фридрих Готтлиб Клопшток и немецкоязычная писательница японского происхождения XXI в. Ёко Тавада. Временная дистанция между этими двумя авторами наглядно показывает разное отношение к каждому из авторов в свое время. Литературная репутация немецкого поэта формировалась как бы «внутри» немецкоязычного пространства под влиянием авторитетных имен современников Клопштока. В то же время репутация Ёко Тавады как писателя-экзофона складывается не только в немецкоязычном пространстве, но и извне, благодаря сохранению автором двуязычия и созданию произведений на двух языках. Примечательно, что литературные произведения и Клопштока, и Тавады становятся предметом изучения совре-

менной германистики, поскольку Тавада находится в первой четверти XXI в. на пике популярности, и в это же время возрождается интерес к творчеству немецкого поэта.

Ключевые слова: Клопшток, Ёко Тавада, Гете, литературная репутация, Reputationscode

1. Введение

Литературная репутация является одним из важных факторов, которые формируют восприятие автора в своей и принимающей культурах, а также определяют историческую значимость писателя или поэта. Сложившийся статус автора в литературе значим не только для читателей, но и для исследователей: «величайшим», «прославленным» авторам уделяется больше внимания, чем «незаслуженно забытым» писателям и поэтам «второго ряда». В статье рассматриваются авторы, связанные с немецкой литературой и представляющие собой два случая культурного трансфера в исторической перспективе: автор XVIII в. и автор XXI в. В связи с этим необходимо прояснить, как понимается литературная репутация и, соответственно, *Reputationcode* в русской и немецкой литературоведческой традиции.

В российском литературоведении исследования, посвященные природе успеха авторов и смене литературных поколений, опираются в основном на труд библиографа и историка поэзии И. Н. Розанова *Литературные репутации* (1990), и на теорию социолога литературы А. И. Рейтблата, которую он развивает в монографиях *Как Пушкин вышел в гении* (2001) и *От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы* (2009). Несмотря на то, что в поле зрения Розанова и Рейтблата попадают только отечественные авторы, их рассуждения остаются релевантными для исследования популярности того или иного автора и литературных репутаций в общем филологическом контексте. Писатели и поэты, прославившиеся в родном отечестве, в принимающей культуре не появляются внезапно, их вхождение или отторжение обусловлено различными факторами, описание которых мы находим у Розанова и Рейтблата.

Уникальная книга Розанова, в которой он прослеживает литературную судьбу русских и советских поэтов, состоит из не-

скольких глав-очерков и собственно вопросу литературной репутации посвящены лишь две из них: «Литературные репутации» и «Канонизация классиков». Не углубляясь в теоретическую разработку понятий, Розанов тем не менее высказывает ряд замечаний, которые до настоящего времени не утратили актуальности. Так, он рассуждает об относительности эстетических оценок и замечает, что «непрочность всякого догматизма в этом отношении все более и более проникает во всеобщее сознание» (РОЗАНОВ 1990: 19). Кроме того, исследователь лирики пишет о движении в литературе, складывающемся из притяжения, отталкивания и инерции, которые своим «чередованием образуют ритм... эпох» (*ibid.*: 23), характерный и для поэзии, и для прозы. Не менее важным представляются постановка Розановым вопроса о том, «как вообще происходит производство в образцовые писатели, т. е. в классики» (*ibid.*: 94). Интересны и исключительно актуальны размышления о авторе о проблеме «канона» и канонизации в литературе.

Идеи Розанова развивает Рейтблат, который предпринимает попытку дать «целостное описание институциональных аспектов русской литературы» (Рейтблат 2001: 7) и впервые отчетливо формулирует определение литературной репутации. В статье под литературной репутацией, вслед за Рейтблатом, будут пониматься

те представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книгопродавцы, педагоги, читатели) (*ibid.*: 51).

Кроме того, Рейтблат выделяет «инстанции, определяющие литературную репутацию», влияющие на судьбу писателя и связанные прежде всего с тем или иным типом литературной системы. Так, начиная с конца XVIII до середины XIX в. мнение о значимости творчества того или иного автора формировалось самими литераторами либо авторитетными знатоками, которые «в своем кругу, в рамках литературного кружка, салона или общества выносят приговор писателю» (*ibid.*: 53). Суждениями признанных литераторов и критиков следует прежде всего руководствоваться при рассмотрении вопроса о популярности

творчества Ф. Г. Клопштока в Германии.

В современной культуре, российской и зарубежной, репутация определяется рекламой и рыночным успехом книг: «книгоиздательские» показатели популярности представляются более весомыми. Среди них Рейтблат называет «премии, экранизации, инсценировки, включение в школьные программы, государственные награды, <...> число и тираж изданий, включение в серии и рекомендательную библиографию» (РЕЙТБЛАТ 2001: 53). Чем ближе автор находится к современности, тем большее воздействие на его «репутационный код» (BERLEMANN 2014: 149) оказывают упомянутые выше внешние факторы. Вполне понятно поэтому, что путь к признанию современной двуязычной писательницы Ёко Тавады идет через издания и переиздания, премии, географию выступлений с лекциями и чтениями собственных текстов. В немецкоязычных странах подобные встречи с писателями называются «Lesung».

При этом для авторов ушедших эпох такой путь невозможен, и покровители или авторитетные современники (а также ближайшие потомки) становятся своеобразными ориентирами (Wegweiser) для включения автора в образовательные программы или список обязательного чтения. Социокультурные и «книгоиздательские» показатели литературной репутации, выражающиеся в тиражах или частоте публикаций писателя, важны не для признания автора XVIII или XIX в., а для сохранения его имени от забвения.

2. Характеристика материала и методов исследования

Понятно, что полного совпадения между понятиями «литературная репутация», «популярность» и «репутационный код» (или «параметры литературной репутации»¹ не существует. Хотя эти термины часто употребляются через запятую, в одном и том же ряду, они «подсвечивают» разные аспекты прижизненной или посмертной известности того или иного автора.

Несмотря на то, что понятия «литературная репутация», «популярность» и «репутационный код» используются в рамках

¹ Термин *Reputationscode* пришел в германистику из социологии и все более активно используется немецкими литературоведами (BERLEMANN 2014; SCHULZ-SCHAEFFER 2002).

одного исследования, данные понятия не тождественны как в семантическом, так и в историко-культурном смысле. Литературная репутация, например, включает такой признак «литературного кода» как «популярность». Статичным аспектом репутации представляется «реноме». Однако этим структура понятия «репутация», по-видимому, не исчерпывается.

Для выявления значимости литературной репутации важна существенная временная дистанция, позволяющая ретроспективно рассмотреть творчество писателя. Неотъемлемый этап становления литературной репутации — ситуация, когда через «культурные коды эпохи» (ЛОТМАН 1986: 108) пропускаются не только факты творчества, но и творческая биография. У современных авторов, путь которых в литературе пока только намечается, возникает литературное реноме. Актуальные отклики читателей, критиков или Искусственного интеллекта далеко не всегда вводят модного автора в контекст «большого времени» (БАХТИН 1979).

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Литературная репутация Ф. Г. Клопштока

Важной вехой формирования литературной репутации Фридриха Готтлиба Клопштока (*1724 — †1803) оказалась встреча в Цюрихе с писателем и литературным критиком И. Я. Бодмером в начале творческого пути. Известный швейцарский филолог и переводчик стал покровителем молодого таланта. И хотя устоявшееся мнение биографов XIX—XX вв. приписывает эту встречу воле случая (MUNCKER 1888; LÜDTKE 1928), новейшие исследования (KONL 2000) показывают, что Клопшток сам искал знакомства: два года между начинающим лириком и известным литератором продолжалась активная переписка и Бодмер был даже посвящен в сердечные дела молодого автора. Именно ему Клопшток отправил свои первые сентиментальные оды, объединенные фигурой Фанни — кузины и возлюбленной, не ответившей будущему прославленному поэту взаимностью. Влиятельный патрон скоро разочаровался в Клопштоке, для которого неустанный труд и истовая набожность не стали жизненными идеалами. По мнению Бодмера, молодой автор должен был целиком и полностью посвятить себя написанию *Мессиады*, религиозной эпопеи в стихах. Жизнелюбие Клопштока и его нежная

привязанность в дружбе выразились в оде *Цюрихское озеро* («Der Zürichersee»), до настоящего времени остающейся одним из наиболее значимых произведений. Если к середине 50-х гг. XVIII в. *Цюрихское озеро* и оды к Фанни были известны в основном по рукописным спискам и не предназначались для публикации, то к этому моменту первые песни *Мессиады* уже вышли из печати. Хвалебные отзывы Бодмера о *Мессиаде* уже были подхвачены современниками и многократно повторены, Клопштока знали все — и он запомнился «всем» лишь как автор религиозной эпопеи. Но одновременно с ростом популярности чувствительных гимнов Клопштока (часто без указания авторства) интерес к чтению *Мессиады* угасал. Имя Клопштока было на устах у публики, однако его религиозную эпопею дальше первых трех песен (в итоге *Мессиада* включала двадцать песен и была закончена спустя почти четверть века после начала написания) никто не читал, что точно подметил Лессинг в известной эпиграмме:

Хвалить Клопштока люди рады. / Читают ли его? - Увы! / И нас превозносить не надо, / Прилежней нас читайте вы! (пер. Я. Матиса). Wer wird nicht einen Klopstock loben? / Doch wird ihn jeder lesen? Nein. / Wir wollen weniger erhoben / und fleißiger gelesen sein (LANGSJOEN 1960).

До 70-х гг. XVIII в. многие оды Клопштока были известны лишь благодаря рукописным спискам да его друзьям, которые читали вслух Клопштока в различных литературных кружках, самым известным из которых был «Союз роши» («Der Göttinger Hain») (PETERS 2025). Эстетика декламации, распространенного в ту эпоху особого музыкального способа произнесения поэтических строк, устный характер «исполнения», оказались созвучны поэзии Клопштока.

Имя поэта становится «нарицательным». Для немецкой культуры последней трети XVIII в. Клопшток — великий автор, стоящий на пьедестале. Пройдет совсем немного времени, и читатели перестанут понимать, откуда взялся высокий пьедестал. Наступало другое время — эпоха И. В. Гете, требовавшая других эмоций и других тем в литературе.

О том, что влияние Клопштока отразилось на самом творчестве Гете, мы можем прочесть в *Поэзии и правде*: «мы тща-

тельно переписывали его оды...» Переводчик и литературовед Н. Н. Вильмонт в русском послесловии к *Поэзии и правде* Гете замечает, что в данном случае речь идет о неточной, так называемой гессенской публикации од Клопштока, основанной на рукописных неавторизованных записях. Гете испытывает большое влияние старшего, очень популярного поэта, и приближается к поэтике Клопштоковых од в своих «больших гимнах» (1772/1775) — *Весенний праздник, Песнь странника в бурю, Бравому Хроносу, Ганимед, Прометей* (ГЕТЕ 1969: 435). В *Страданиях молодого Вертера* об искренней увлеченности Клопштоком свидетельствуют слова Вертера в разговоре с Лоттой у окна. Отсылка к оде *Весенний праздник*, которую не надо было цитировать, чтобы понять чувства героев, — достаточно было лишь назвать имя «Клопшток!», наглядно показывает, насколько хорошо современники знали произведения Клопштока. Сегодня эту оду назвали бы «прецедентным текстом» (КАРАУЛОВ 1987). Немецкие исследователи, в частности, К. Коль, указывают и на прозаические отрывки из писем Вертера, в которых прослеживается влияние Клопштока. Так, в немецком издании, в письме Вертера от 10 мая первой книги романа (ГОЕТНЕ 1999) нагромождение синтаксических конструкций с «когда» получает разрешение напряжения с наречием «тогда», что отсылает читателя к ранним одам Клопштока, в частности, *Фанни* (КОНЛ 2000). Вместе с тем картина, разворачивающаяся перед Вертером, во многих чертах является приношением к *Весеннему празднику*: мы видим размышления о близости к Всемогущему всех существ, от мошек до самого Вертера.

Исследователи XX в. обращают внимание на двойственное отношение Гете к величию старшего современника. Гете признает в частном порядке влияние Клопштока на его творчество. Размышляя об истории немецкой литературы, о «большом времени», автор *Фауста* умалчивает о Клопштоке или говорит о нем снисходительно (HURLEBUSCH 2003). Пример тому — отрывок из *Разговоров с Гете*, в котором зафиксировано отношение к Клопштоку в 1824 г. И. П. Эккерман отмечает гетевскую инерцию уважения к Клопштоку:

Я его почитал с присущим мне уважением к старшим, вроде как пожилого дядюшку. Благоговел перед всем, что бы он ни делал,

и мне даже в голову не приходило размышлять об этом и отыскивать в его творениях какие-либо недостатки. Я принимал все хорошее, что в них было, а в общем, шел своим собственным путем (ЭККЕРМАН 1934: 131).

Автобиография Гете — это масштабная инсценировка собственной жизни. Главный герой *Поэзии и правды* — гениальный автор, прокладывающий в литературе и жизни новые пути. Коль размышляет о главной цели гетевской автобиографии:

В отличие от Клопштока, с самого начала считавшего себя продолжателем античной традиции, Гете сосредоточился на создании литературной истории собственного дизайна: он был истинным началом и воплощал собственный поэтический стиль, свободный от ролевых моделей и непревзойденный в своей оригинальности (KONL 2000: 421).²

Но взгляд исследователя XX в. кардинально отличается от позиции первых биографов Клопштока: К. Крамера и Ф. Мункера. Для них Клопшток был прежде всего создателем религиозного эпоса, бессмертным автором священной *Мессиады*.

В 1888 г., почти через 100 лет после появления прижизненной биографии Клопштока, созданной Крамером (KRAMER 1792), немецкий историк литературы Мункер напишет новую биографию прославленного поэта (MUNCKER 1888). Современные немецкие исследователи подчеркивают значимость труда Мункера для анализа творчества Клопштока с конца XIX до конца XX в., замечая при этом, что в книге отразились позитивистская позиция автора и преклонение перед авторитетом Гете. Интересно, что в данном издании Клопшток рассматривается только как лирик, чьи оды и гимны не потеряли значения для потомков. Однако в отношении *Мессиады* и драматических произведений Клопштока Мункер замечает, что эти произведения «давно уже чужды нам, отчасти непонятны и не доставляют удовольствия» («sind uns längst fremd, zum Teil sogar ungenießbar und unverständlich geworden») (ibid.: 17). Новая эпоха выдвинула на первый план лирику автора *Мессиады*. К концу XIX столетия религиозная эпопея утратила актуальность. В глазах тогдашних читателей и критиков жанр этот безнадежно устарел. Произо-

² Здесь и далее перевод авторов статьи, если не указано иное.

шел тот самый литературный сдвиг, о котором писал Розанов в статье о литературных репутациях (РОЗАНОВ 1990). Схожие наблюдения о смене литературных предпочтений высказываются Ю. Н. Тыняновым в статье «Литературный факт»:

В эпоху разложения какого-нибудь жанра — он из центра перемещается на периферию, а на его место из мелочей литературы, из ее задворков и низин всплывает в центр новое явление (Тынянов 1977).

По словам Мункера, Клопштока можно понять только исторически:

Сегодня мы, как правило, все еще повторяем похвалы, которые воздавали ему прежние поклонники, но мы больше не наслаждаемся его произведениями напрямую. («Wir sprechen heutzutage im allgemeinen oft noch das Lob nach, das frühere Bewunderer ihm gezollt haben, aber wir freuen uns seiner Werke nicht mehr unmittelbar») (MUNCKER 1888).

Опосредованное восприятие немецкого поэта в итоге приводит к тому, что образ Клопштока начинает зависеть от пересказов пересказов. Эстетическая оценка творчества Клопштока дается Мункером с точки зрения, присущей эпохе Гете, и под влиянием авторитетного мнения «величайшего творца среди лириков» («der größte Künstler unter den Lyrikern») (BERNAYS 1879): новое время создает новых кумиров, а старые при этом оттесняются с пьедестала, который отныне принадлежит новым гениям.

Оценка Бодмером *Мессиады* Клопштока во многом повлияла на восприятие творчества немецкого поэта и в России. В конце XVIII в. Клопштока в России почти не знают. Его литературная репутация находится в становлении, «Русский Клопшток» существенно отличается от немецкого. В статьях Н. М. Карамзина, российского популяризатора творчества Клопштока, издателя «Московского журнала» и «Вестника Европы», прочитывается почтительное преклонение перед поэтом. Он называет Клопштока «несравненным», «бессмертным», «славным пиитом» (ср. напр. в [КАРАМЗИН 1792]). Однако переводят Клопштока мало — новаторский язык и сложный синтаксис немецкого поэта с трудом воспринимался даже соотечественниками. Клопшток остается доступен узкому кругу читающих на немецком языке и

в основном его литературное имя складывается из пересказов пересказов. А уже в 30-х гг. XIX в. на русском языке появляются немецкие переводные истории всемирной литературы, авторы которых транслируют отношение Гете к Клопштоку. Биография Клопштока, написанная Мункером, не переводилась на русский язык, однако отсылки к ней встречаются неоднократно в русских литературоведческих работах рубежа XIX-XX вв. (ВЕБЕР 1891; КОЖЕВНИКОВ 1897; РОЗАНОВ 1901).

Сакрализации образа Клопштока как поэта и творца бессмертной религиозной эпопеи способствовали Бодмер и Гете, одновременно отдаляя его от живых читателей. А биография Мункера, несмотря на очевидные недостатки, до сегодняшнего дня остается незаменимой (ПЛАСНТА 2005). Критическое рассмотрение биографии выдающегося немецкого поэта, написанной Мункером, начинается только в начале XXI в., когда литературная репутация Клопштока предстает уже сформировавшейся, «застывшей», казалось бы, навсегда.

На контрасте с литературной репутацией XVIII в., формирующейся, как видим, нередко по пересказам авторитетных деятелей эпохи, выступает динамичное, вибрирующее и «быстрое» современное литературное реноме XXI в., действующее «от первого лица». Между этими временными промежутками «ди- станция огромного размера».

3.2. Популярность Ёко Тавады

Можно говорить о том, что понятие «репутации» в XXI в. скорее не эстетическое, а этическое (БЫКОВ 2019). Современная репутация в литературе рассматривается как принятие во внимание всех нравственных норм поведения человека на этой литературной арене и обозначает взаимодействие целого ряда литературных реалий и различных литературных процессов. Впервые интерес к внелитературной жизни писателя обозначился в эпоху романтизма, однако произведения оставались более «самостоятельными» и самодостаточными. Отметим, что в XX—XXI вв. процесс глобализации и популяризации достигает пика и становится переизбыточным. По мысли Л. П. Быкова, «мир тонет в океане слов, захлестывающих нас со страниц газет, журналов, книг, из наушников, с экрана телевизора, а с недав-

них пор — еще и компьютера» (БЫКОВ 2019). Важно, что с течением времени произошли резкие перемены восприятия литературы и автора в целом: если в XVIII в. произведение как бы существовало отдельно от автора, то в XXI в. все аспекты жизни писателя становятся значимыми в рамках литературной репутации. Получается, что в XX—XXI вв. ключевым аспектом является так называемое имиджмейкерство (БЫКОВ 2019), а литературная репутация определяется количеством просмотров в Интернете, купленных экземпляров в книжном магазине, выступлений на радио и телевидении, интервью в газетах, т. е. спросом на литературу. В начале XXI в. все ориентируются на показатели и цифры, иначе говоря, на внешнее, считая это аксиоматически релевантным, приравнивая успех к прибыли, а писателя — к артисту цирка, выступающего перед публикой со своими произведениями (ТАВАДА 2021).

При этом литературная репутация может быть заслуженной, а не нарочито «раскрученной». Писательница Ёко Тавада (*1960), создающая произведения на японском и немецком языках, подтверждает свой высокий литературный статус не только многочисленными наградами, но и качеством своих текстов, признанных критиками. Переводчик и литературовед-германист А. В. Белобратов называет ее писателем-экзофоном (БЕЛОБРАТОВ 2012).

Термин *экзофония* (“exophony”), обозначающий литературное письмо на неродном языке, впервые был введен в 2007 г. Сюзан Арндт, Дикром Нагушевски и Робертом Стокхаммером (ARNDT 2007).

Тавада начала публиковаться в 1987 г. Она дебютировала с двуязычным сборником стихов и прозы *Где бы ты ни был, везде пустота* («あなたのいるところだけ何もない» — «Nur da wo du bist da ist nichts»). Знание японского и немецкого языков позволило писательнице проникнуть в новые языковые пространства, что, в свою очередь, стало предпосылкой литературного двуязычия. Именно по этой причине в ее текстах исследователи усматривают гибридные структуры. Двуязычные произведения Тавады созданы на границах разных культур. Вот что говорит она о самой себе как писательнице: «У меня много языков и много душ»

(«Ich habe viele Zungen und viele Seelen») (ZIMMER 2002).

Белобратов отмечает, что

смешанная форма, микст, — то есть немецкие тексты с японскими иероглифами и элементами письма, — это скорее искусство, чем литература, по мнению самой Тавады (БЕЛОБРАТОВ 2015).

Таваду можно смело назвать японско-немецкой писательницей, поскольку она пишет на двух языках. Выбор немецкого языка в качестве языка «письма» Тавада осуществляет добровольно. В этом, пожалуй, ее отличие от русского и американского писателя В. В. Набокова. Литературная репутация Тавады не связана с нарративом «утраченной родины» или «изгнания».

После переезда в Германию в 1980-х гг. Тавада оказалась в культурно благоприятной среде, где существует большой интерес к иностранцам, пишущим на немецком языке. Следует отметить, что в Германии с 1985 г. учреждена специальная премия Адальберта фон Шамиссо (Adelbert-von-Chamisso-Preis der Robert Bosch Stiftung),³ которая присуждается особо одаренным иностранным писателям за необычное использование языка и обогащение немецкой литературы. Тавада была награждена премией в 1996 г. Еще до получения этой престижной премии, она была отмечена литературными премиями в Германии и Японии: Гамбургская городская премия (1990), японская награда начинающим литераторам под названием «Gunzo-Shinjin-Bungaku-Sho» (1991), Литературная премия Акутагавы (1993), Гамбургская премия Лессинга (1994). Таким образом, можно видеть, что литературными премиями отмечено литературное «двуязычие» Тавады.

Являясь знаками мирового признания, многочисленные международные награды, титулы и стипендии, укрепляют литературное реноме Тавады. Перечислим некоторые из них: Villa Augoa в Лос-Анджелесе (1997), преподаватель поэтики в Тюбингене (1998), Высокопоставленный гость Макса Када Массачусетского технологического института (1999), Стипендия Роберта Боша, Стипендия Немецкого литературного фонда, Ли-

³ <https://www.bosch-stiftung.de/de/projekt/adelbert-von-chamisso-preis-der-robert-bosch-stiftung>.

тературная премия Узуми Кеки (2000), Литературная премия Ито-Сей (2003), Литературная премия Дзюнъитиро Танидзаки (2003), Медаль Гете (2005), приглашенный писатель в Университете Вашингтона в Сент-Луисе (март-апрель 2008), приглашенный писатель в Стэнфордском университете (февраль 2009), приглашенный профессор межкультурной поэтики (Гамбург, 2011) и т. д. Получив премию Генриха Клейста в 2016 г. и Американскую книжную премию 2018 г., Тавада обрела едва ли не мировую известность.⁴

Об этом свидетельствует и полученная ею в 2016 г. премия Генриха Клейста. Эта премия — одна из самых престижных литературных наград Германии, обладателями которой являются очень известные писатели. Премия вручается только за книги, написанные на немецком языке, и Тавада стала первым ее японским лауреатом. В комментариях к награде было отмечено, что книга Тавады открывает новые возможности языковой экспрессии в немецком языке (Kleist-Preis Verleihungen).⁵

Расписание писательницы, согласно ее официальному сайту, насыщено лекциями, выступлениями и семинарами в США и Европе.⁶ Журнал «Schwäbisches Tagblatt», отмечает, что на некоторые ее лекции «собирается около пятисот человек, а ее поэтическая речь конкретна, наглядна и одновременно «аллегорична» («Zu ihren Vorlesungen waren mehr als 500 Zuhörer gekommen... sie hielt eine poetische Rede voll Anschaulichkeit und Gleichnishaftigkeit») (HERMANN 2016). Известный германист и специалист по компаративистике Юрген Вертхаймер называет Таваду «сдержанной постмодернистской шаманкой поэтического языка и проницательным филологом (в романтическом смысле)» (WERTHEIMER 1998). Комментируя *Сборник Тюбингенских лекций*, исследователь отмечает:

Будь то банка тунца или вход в туннель, кусок мыла или экран компьютера, каждый, казалось бы, банальный предмет становится под одновременно этнологическим и поэтическим взглядом Ёко Тавады носителем или средством передачи скрытого сообщ-

⁴ <https://yokotawada.de>.

⁵ <https://heinrich-von-kleist-gesellschaft.de/kleist-preis>.

⁶ <https://yokotawada.de>.

щения, которое необходимо расшифровать. Учимся заново читать знаки мира... (ibid.).

Такой комментарий четко отражает суть произведений Тавады: писательница из Японии смотрит на предметный мир глазами поэта, наделенного особым художественным мировосприятием. Можно говорить о том, что с 2020 г. Тавада находится на пике популярности. Ее стиль и язык стали предметом профессионального филологического анализа.

Особый интерес вызывает заявленная трилогия антиутопий, первая книга которой вышла в 2018 г. под названием *Scattered all over the Earth* («Рассеяны по всей земле») и была переведена М. Митсутани в 2022 г. с японского на английский (TAWADA 2022). Книга стала очень популярной. Роману были посвящены, ревью и рецензии в «The New York Times»,⁷ «The Baffler»,⁸ «The Wall Street Journal».⁹

На русский язык переведены только несколько произведений Тавады: романы *Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов* («容疑者の夜行列車») (ТАВАДА 2011) и *Мемуары белого медведя*. Второй роман написан на немецком языке и называется в оригинале *Etüden im Schnee* («Этюды в снегу») (ТАВАДА 2021). Стоит отметить, что с немецкого на английский *Мемуары белого медведя* перевела талантливая переводчица Сюзан Берновски (Susan Bernofsky), которая известна в англоязычном мире как переводчица и популяризатор Томаса Манна и Роберта Вальзера. Ее трактовку названия романа Тавады («Мемуары белого медведя», а не *Etüden im Schnee* («Этюды в снегу»)) перенимает Екатерина Даровская, переводчица на русский, а также многие переводчики из Европы. Так, на португальском *Memórias de um urso-polar*, на румынском *Memoriile unui urs polar*, на испанском *Memorias de una osa polar* и т. д. Тиражируется не только название книги, зачастую одинаковы и обложки, вне зависимости от выбора языка. Не случайно романы Тавада легко узнаются читателями и расходятся

⁷ <https://www.nytimes.com/2022/03/01/books/review/yoko-tawada-scattered-all-over-the-earth.html>.

⁸ <https://thebaffler.com/latest/yoko-tawadas-enchanted-world>.

⁹ <https://www.wsj.com/articles/fiction-book-reviews-scattered-all-over-the-earth-yoko-tawada-11648216711>.

большими тиражами. Большие тиражи и высокий спрос на книги писательницы укрепляют позиции автора в вопросе литературной репутации. Интерес читателя и раскупаемость тиражей — это показатели стабильно-высокой категории «успеха» и прибыли, которая напрямую зависит от литературной репутации.

Тавада — феномен конца XX — начала XXI в. Она внесла большой вклад в развитие литературы Японии и Германии. Писательница сочетает в себе Восток, и Запад, разные культуры и языки. Ее писательская уникальность, стиль, особое чувственное отношение к языку и тексту способствуют популяризации ее произведений и росту интереса читателей. Безупречное литературное реноме и сложившийся имидж на литературной арене укрепляют позиции популярного автора и приводят его к получению престижных литературных наград.

4. Заключение

Понятие литературной репутация раскрывается с двух сторон: как результат влияния авторитетных мнений и как отражение популярности в медийном и литературном пространстве. Подводя итог, важно отметить, что литературная репутация в целом представляет собой очень долгий историко-культурный процесс «большого времени» (БАХТИН 1979). Объективная оценка положения автора и его произведений в культурном наследии отдельной страны или в пространстве принимающей культуры требует значительной временной дистанции и паузы для осмысления каждого отдельного феномена литературы.

Понимание литературной репутации базируется на исследованиях Розанова и Рейблата, подчеркивавших неоднородность явления. Личность самого автора зачастую оказывает значительное влияние на успех его творчества, но не менее важными составляющими репутационного кода XVIII—XIX вв. являются наличие авторитетных современников и патронов для писателей, равно как и рычагов продвижения произведений в XX и XXI вв. — премий, титулов, создания определенного имиджа автора.

Можно сделать вывод, что литературная репутация в XVIII в. играет большую роль прежде всего в формировании образа автора, как это случилось с сакрализированным образом Клопштока. Авторитетное слово Бодмера и Гете лишь отдалило ав-

тора от читателей, в то время как стихи поэта стали обращать на себя внимание исследователей лишь на рубеже XIX—XX вв. Образ автора в итоге был отделен от произведений, значимым осталось только само имя, а творчество пребывало в забвении.

Диаметрально противоположная картина предстает в XX—XXI вв., когда в поле зрения исследователей, критиков и читателей попадают и произведения, и личность автора. Пример тому — японско-немецкая писательница Ёко Тавада. В центре интереса исследователей были не только ее произведения, написанные на неродном для нее языке, но и биографические факты, связанные с передвижениями и путешествиями Тавады. Немаловажную роль сыграли полученные награды, а также многочисленные участия в лекциях, выступлениях, семинарах и фестивалях. Можно говорить, что значимым для дальнейшей карьеры писательницы является и ее научная жизнь: написание докторской диссертации под руководством Зигрид Вайгель, а также отзыв Вертхаймера о теоретических работах Тавады.

Таким образом, «литературная репутация» XVIII и XXI вв. — два явления, сформировавшихся под влиянием различных факторов, но имеющих одну основу: место автора в культурно-историческом развитии. Для XVIII в. «частное» влияло на «общественное», а в XXI в. «общественное» всегда влияет на «частное». Немецкий поэт Клопшток и немецкая писательница японского происхождения Тавада — два ярких примера, между которыми «дистанция огромного размера». Клопшток был популярным в свое время, но пребывал на периферии литературоведческого интереса до конца XX в., и лишь сейчас начинается новый виток исследования его творчества и репутационного кода. У Тавады, которая с начала XXI в. находится на пике популярности, литературная репутация пребывает в состоянии формирования и еще не прошла испытания временем. Но уже сейчас можно утверждать, что литературное реноме Тавады вполне сложилось.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
[Bakhtin, Mikhail. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* (Aesthetics of Verbal Creativity). Moscow: Iskustvo. (In Russian)].

- Белобратов А. В. Немецкоязычная литература мигрантов: к проблематике гибридной идентичности // «XX Банные чтения», ежегодная научная конференция журнала «Новое литературное обозрение». 2012. URL: https://www.youtube.com/watch?v=q-QZPC3_HYs. [Belobratov, Aleksandr V. (2012) Nemetskoazychnaya literatura migrantov: k problematike gibridnoy identichnosti (German-Language Literature of Migrants: On the Problematics of Hybrid Identity). In: „XX Bannnye chteniya”, *ezhegodnaya nauchnaya konferentsiya zhurnala «Novoye literaturnoye obozreniye»* (“20th Bath Readings,” Annual Scientific Conference of the Magazine “New Literary Review”). Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=q-QZPC3_HYs. (In Russian)].
- Быков Л. П. Репутация в литературе. Заметки к теме // Филологический класс. 2019. № 2. [Bykov, Leonid P. (2019) Reputatsiya v literature. Zametki k teme (Reputation in Literature. Notes on the Topic). *Filologicheskiiy klass* (Philological Class), 2. (In Russian)].
- Вебер Г. Всеобщая история. Т. 13. М.: Издание Солдатенкова, 1891. [Veber, Georg. (1891) *Vseobshchaya istoriya. T. 13* (General History. Vol. 13). Moscow: Soldatenkov's Publishing House. (In Russian)].
- Гете И. В. Из моей жизни. Поэзия и Правда. М.: Художественная литература, 1969. [Goethe, Johann W. (1969) *Iz moyey zhizni. Poeziya i Pravda* (From My Life. Poetry and Truth). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russian)].
- Карамзин Н. М. Жизнь Клопштока // Московский журнал. 1792. Т. 6. С. 74—98. [Karamzin, Nikolay M. (1792) Zhizn' Klopshtoka (The Life of Klopstock). *Moscow Journal*, 6, 74—98. (In Russian)].
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 1987. [Karaulov, Yuriy N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian Language and Linguistic Personality). Moscow: LKI Publishing House. (In Russian)].
- Кожевников В. А. Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии. М.: тип. Г. Лисснер и А. Гешель, 1897. [Kozhevnikov, Vladimir A. (1897) *Filosofiya chuvstva i very v eyo otnosheniyakh k literature i ratsionalizmu XVIII veka i k kriticheskoy filosofii* (Philosophy of Feeling and Faith in Its Relation to Literature and Rationalism of the 18th Century and Critical Philosophy). Moscow: G. Lissner and A. Göschel's Printing House. (In Russian)].
- Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора) /

- Ученые записки Тартуского ун-та. 1986. Вып. 683. С. 106—121. [Lotman, Yuriy M. (1986) *Literaturnaya biografiya v istoriko-kul'turnom kontekste (k tipologicheskomu sootnosheniyu teksta i lichnosti avtora)* (Literary Biography in Historical-Cultural Context (on Typological Correlation between Text and Author's Personality)). *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta* (Scholars' Notes of Tartu University), 683, 106—121. (In Russian)].
- Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. [Reitblat, Abram I. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii. Istoriko-sotsiologicheskiye ocherki o knizhnoy kul'ture Pushkinskoy epokhi* (How Pushkin Became a Genius. Historical-Sociological Essays on Book Culture of Pushkin's Era). Moscow: New Literary Review. (In Russian)].
- Розанов И. Н. Литературные репутации. М.: Советский писатель, 1990. [Rozanov, Ivan N. (1990) *Literaturnyye reputatsii* (Literary Reputations). Moscow: Soviet Writer. (In Russian)].
- Розанов М. Н. Поэт периода «бурных стремлений» Якоб Ленц; его жизнь и произведения. М.: Университетская типография, 1901. [Rozanov, Mikhail N. (1901) *Poet perioda "burnykh stremleniy" Yakob Lents; ego zhizn' i proizvedeniya* (The Poet of the Period of "Stormy Aspirations" Jacob Lenz; His Life and Works). Moscow: University Press. (In Russian)].
- Тавада Ё. Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов. СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. [Tavada, Eko. (2011) *Podozritel'nyye passazhiry tvoikh nochnykh poezdov* (Suspicious Passengers of Your Night Trains). Saint Petersburg: Azbuka-Atticus. (In Russian)].
- Тавада Ё. Мемуары белого медведя. СПб.: Polyandria NoAge, 2021. [Tavada, Eko. (2021) *Memuary belogo medvedya* (Memoirs of the Polar Bear). Saint Petersburg: Polyandria NoAge. (In Russian)].
- Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 255—269. [Tynyanov, Yuriy N. (1977) *Literaturnyy fakt* (The Literary Fact). In: *Poetika. Istoriya literatury. Kino* (Poetics. History of Literature. Cinema). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.; Л.: Academia, 1934. [Eckermann, Johann P. (1934) *Razgovory s Gete v posledniye gody ego zhizni* (Conversations with Goethe in the Last Years of His Life). Moscow; Leningrad: Academia. (In Russian)].
- Arndt, Susan; Naguschewski, Dirk & Stockhammer, Robert. (2007) Exophonie. Anders-Sprachigkeit (in) der Literatur. In: *LiteraturForschung*,

3. Berlin: Kulturverlag Kadmos.
- Berlemann, Dominic. (2011) *Wertvolle Werke: Reputation im Literatursystem*. Bielefeld: transcript Verlag.
- Cramer, Carl F. (1790) *Klopstock. Er und über ihn*. Retrieved from <https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/item/K4U7DAAGON4HQQN-M3SQVYHWOQKYMKP3K>.
- Goethe, Johann W. (1999) Leiden des jungen Werthers. In: Luserke, Matthias. (ed.) *Edition der Handschrift von 1786*. Weimar: Hermann Böhlau.
- Hermann, Dorotee. (2016) *Eine Zauberin der Sprache*. Retrieved from <https://www.swp.de/lokales/tuebingen/kultur-tuebingen/kleistpreis-eine-zauberin-der-sprache-310910.html>.
- Hurlebusch, Klaus. (2003) *Friedrich Gottlieb Klopstock*. Hamburg: Ellert u. Richter.
- Kohl Katrin. (2000) *Friedrich Gottlieb Klopstock*. Stuttgart: Metzler.
- Langsjoen, Sven V. (1960) Moral Purpose in Klopstock. *Monatshefte*, 52, no. 4, 158—162.
- Lüdtke, Heinrich. (1928) Klopstock und unsere niederelbische Heimat: zum 125. Todestage des Messias-Sängers. *Altonaische Heimatbücher*, 2.
- Muncker, Franz. (1888) *Klopstock, Geschichte seines Lebens und seiner Schriften*. Stuttgart : G.J. Göschen.
- Osterkamp, Ernst. (1997) Muncker, Franz. *Neue Deutsche Biographie*, 18, 585—587.
- Plachta, Bodo. (2005) *Editionen zu deutschsprachigen Autoren als Spiegel der Editionsgeschichte*. Berlin, Boston: Max Niemeyer Verlag, 2005.
- Peters, Patrick. (2025) *Der Göttinger Hain. Wirken, Werk und Wirkung*. Retrieved from <http://www.goethezeitportal.de/wissen/projektepool/goettinger-hain.html>.
- Schulz-Schaeffer, Ingo. (2002) Publikationen zählen — empirische Anmerkungen zum Publikations-Ranking und zur Reputationswelten-Lehre. *Soziologie*, 4 (202), 42—55.
- Tawada, Yoko // Электронный ресурс. Retrieved from <http://yokotawada.de>.
- Tawada, Yoko. (1998) *Verwandlungen. Tübinger Poetik — Vorlesung*. Tübingen: Konkursbuchverlag.
- Tawada Yoko. (2011) *Sprachpolizei und Spielpolyglotte*. Tübingen: Konkursbuchverlag, 2011.
- Tawada, Yoko. (2022) *Scattered All Over the Earth*. New York: New Directions.
- Wertheimer, Jürgen. (2001) Jürgen Wertheimer über Yoko Tawada. In: Y. Tawada. *Verwandlungen. Tübinger Poetik-Vorlesung*. Tübingen: Kon-

kursbuchverlag.

Zimmer, Jörg. (2002) *Gedankenrad der Sprache - mit viel Witz*. Retrieved from https://rp-online.de/nrw/staedte/rhein-kreis/gedankenrad-der-sprache-mit-viel-witz_aid-8662867.

Olga V. Pakhomova, Vera G. Sibirtseva
National Research University Higher School of Economics

Two Sketches on Literary Reputation. Klopstock and Tawada

The article explores the concept of literary reputation and its formation within a historical and cultural context. According to German researchers, this phenomenon, referred to as *Reputationscode*, is shaped by multiple factors and ultimately reflects various components of a literary tradition's "success". The historical-literary process highlights the significance of literary reputation for writers and poets, as it reflects their societal influence, demonstrates the popularity of their texts, and testifies to the evolution or involution of their work in a Bigtime. The development of *Reputationscode* remains a topic of interest for 21st century researchers. Russian scholars I. N. Rozanov and A. I. Reitblat have contributed to the theoretical and practical understanding of literary reputation, and their insights remain relevant not only for the 18th but also for the 21st century. The article examines two figures: Friedrich Gottlieb Klopstock, a German poet of the 18th century, and Yoko Tawada, a 21st-century German-language writer of Japanese origin. The temporal distance between these authors illustrates the varying attitudes toward them during their respective eras. Klopstock's literary reputation was largely shaped within the German-speaking sphere, influenced by the authority of his contemporaries. In contrast, Tawada's reputation as an exophone writer is formed both within the German-speaking world and externally, aided by her bilingualism and the creation of works in two languages. Notably, both Klopstock and Tawada are positively received by Russian Germanists, with Tawada currently at the peak of her popularity and Klopstock experiencing a rebirth of scholarly interest in the 21st century.

Keywords: Klopstock; Yoko Tawada; Goethe; literary reputation; *Reputationscode*

Для цитирования:

Пахомова О. В., Сибирцева В. Г. Два этюда о литературной репутации. Клопшток и Тавада // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 385—405.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-385-405.

To cite this Article:

Pakhomova Olga V., Sibirtseva, Vera G. (2025) Dva etyuda o literaturnoy reputatsii. Klopshtok i Tavada (Two Sketches on Literary Reputation. Klopstock and Tawada). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 385—405. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-385-405.

Статья поступила в редакцию 28.03.2025; принята к публикации 28.04.2025

The article was submitted 28.03.2025; accepted for publication 28.04.2025